

О КОРРЕЛЯЦИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ

А. Е. Чучин-Русов

Категория «гендер» была введена в понятийный научный аппарат в конце 1960-х – начале 1970-х гг. и первоначально использовалась историками, историографами, социологами и психологами, затем лингвистами и культурологами. В современной литературе понятие «гендер» (*англ.* gender – род) имеет широкий спектр значений. Они включают дифференциацию социальных ролей мужчин и женщин вследствие накопления исторического опыта рода (*англ.* gender), а не пола (*англ.* sex); «мужественность» и «женственность» как культурно-психологические, а не биолого-анатомические характеристики и ориентации; представления о гендерной универсальной природе культуры, где с помощью универсальных понятий «женский гендер» (W) и «мужской гендер» (M) виртуально структурируется любое культурное явление¹.

В лингвистике на гендерно-оппозиционном характере языка построил свою знаменитую концепцию В. Гумбольдт. Отдельные наблюдения, связанные с проблемой пола и языка, содержатся в диалектологической литературе и в грамматиках. Более поздним исследованиям на эту тему посвящена небольшая статья и скромная библиография в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990). С конца XX в. число публикаций на эту тему стало увеличиваться лавинообразно.

Общность смыслов лингвистических и культурологических гендерных характеристик следует уже из сопоставления оппозиций гендерной культурологии и гендерной лингвистики, противопоставляющей, например, «женское сотрудничество» (*female cooperativeness*) «мужскому соперничеству» (*male competitiveness*). В монографии Е. А. Земской² удаётся найти лингвистические параллели для ряда культурногендерных пар: сложносочинённое – сложноподчинённое, континуальное – дискретное, коллективное – индивидуальное, безграничное – ограниченное³, низкое – высокое, отрицательное – положительное⁴.

В сопровождаемой большим количеством литературных ссылок и более поздней по времени публикации Е. В. Зарецкого⁵ дихотомия феминность / маскулинность (женское / мужское) неразрывно связывается с дихотомией коллективизм / индивидуализм. На материале русского языка и языков, принадлежащих, согласно Г. Хофстаде⁶, маскулинным культурам, прежде всего английского и немецкого, Зарецкий показывает, что русский язык отличается от них тем же, чем отличается женский гендерлект от мужского. Имеются в виду более широкий инвентарь средств для выражения эмоций и более частое их употребление (высокая частотность восклицательных знаков, междометий, частиц, резкие смены интонаций), склонность к преувеличениям, гиперкорректность, консерватизм и т. д.

По разработанной условной шкале, самой маскулинной нацией являются японцы (95 пунктов), самой феминной – шведы (5 пунктов). Ярко выраженной феминностью обладают США (62), Англия (66), Германия (66), Австрия (79), Италия (70). Слабо выражена феминность у жителей Норвегии (8), Финляндии (26) и

Нидерландов (14). Данные по России дают разброс показателей (от 55 до 28), но к «мужским» культурам Россию не относит никто.

Согласно принятым оценкам и представлениям, для маскулинных культур характерна постоянная и открытая (не осуждаемая обществом) конкуренция, стремление к полной независимости от социальных связей, уважение к сильным, активным и предприимчивым, чёткое разграничение социальных ролей между полами. Представители маскулинных народов и культур мало придают значения таким понятиям, как сострадание, сочувствие, сопереживание. Интерес женщин к социальным явлениям, а мужчин - к предметам считается врождённым. Пословицы, поговорки, поведение не выявляют различий между английскими, немецкими и русскими женщинами. Земская приводит «народно-лингвистические» представления о женской речи, указывает на такие её особенности, как «болтливость» (т. е. *избыточность*) и «пристрастие к чрезмерностям в оценках и обращениях» (т. е. *экспрессивность*⁷). Она отмечает, что «женщины часто не заканчивают свою речь», реже перебивают собеседника, чем мужчины, «предпочитают использовать косвенные просьбы, чем приказы и прямые просьбы, чаще употребляют эвфемизмы».

В культурологии женскому гендеру W соответствуют незавершённость, континуальность, нелинейность мышления, а мужскому M – законченность, дискретность, линейность мышления. В тех же культурногендерных оппозициях находятся рациональное – иррациональное, образное («женская логика») – логически назывное («мужская логика»), искусство – наука, низ – верх.

На основе квантитативных исследований английской, американской, русской, немецкой и австрийской художественной литературы Зарецкий опровергает связь между уровнем иррациональности, феминности и коллективизма в данном сообществе и частотностью безличных конструкций в соответствующем языке. Распространение и сохранность имперсонала⁸ он связывает не с культурологической, а с языковой типологией, затрагивая при этом проблему индоевропейского праязыка.

В другой недавно опубликованной работе читаем: «Возвращение к мифу и, следовательно... к нелинейному мировидению происходит... в переходные, кризисные эпохи европейской культуры... Для обозначения двух противоположных типов культуры использовались различные терминологические системы, как-то «ренессанс» и «барокко» (Г. Вёльфлин), «аполлоническая» и «дионисийская» культуры (Ф. Ницше), «идеализм» и «реализм» (Вяч. Иванов), космогенный и хаосогенный этапы развития (А. В. Волошинов), M-культуры и W-культуры (А. Е. Чучин-Русов)⁹».

Лингвистические и культурологические смыслы понятия «гендер» могут полностью совпадать (например, «слабая, неуверенная» речь, выделяемая Лакофф как характерный признак женской речи, в противоположность сильной, уверенной мужской речи). Но они могут и существенно различаться: живописная размытость (W, «женское») – графическая очерченность (M, «мужское») (Г. Вёльфлин), бездомность (W) – обустроенность (M). При этом лингвистическая компонента проблемы остаётся в центре внимания как лингвистов, так и культурологов. Например, обозначающие противоположные качества английские слова «cooperate-

veness» – «competitiveness» и их русские эквиваленты «сотрудничество» – «соперничество» в данном случае начинаются с буквы «с», одинаково пишущейся по-русски и по-английски. Другая модель предлагает дихотомию по гендерному принципу и обозначению (W – M): например, water – mercury или wind – matter.

Творит ли язык реальность?

Близкие по смыслу гендерные лингвистические бинарные оппозиции, характеризующие различия между коммуникативными стилями мужчин и женщин, предложил Д. Таннен¹⁰:

(Женское, W)	(Мужское, M)
Sympathy (problem-sharing)	Problem-solving
Rapport	Report
Listening	Lecturing
Private	Public
Connection	Status ¹¹
Supportive	Oppositional
Intimacy	Independence

Здесь тот же набор порой созвучных (rapport - report) слов-перевёртышей, обозначающих противоположные смыслы, начинающихся по преимуществу с одной и той же буквы, как бы имеющих единый андрогинно-амбивалентный архетипический корень-зародыш.

В качестве смысловых аналогов такого единства можно назвать средневековый «алхимический гермафродит», стволовые клетки в современной биологии и то обстоятельство, что физиологические признаки пола биологического зародыша формируются не сразу после зачатия¹². Какое-то время две противоположные потенциальные возможности существуют здесь в неразрывном единстве, как существуют они в схеме культурного архетипа W=M¹³.

По наблюдениям разных исследователей, женщины охотно делятся своими проблемами, не стесняются обращаться за помощью и информацией, а также ценят помощь и поддержку. Мужчины предпочитают решать проблемы, а не говорить о них, не любят обращаться за помощью и информацией; комфортнее чувствуют себя в роли эксперта, лектора или учителя, нежели слушателя или ученика. Женщины больше говорят в неформальной обстановке, а мужчины – на публике. Женщины чаще, чем мужчины, используют слова и выражения, смягчающие категоричность высказывания (sort of, rather, a bit, kind of, about) и элементы, выражающие дружескую заинтересованность (really, so). Речь женщин более комплиментарна, женщины чаще всего делают комплименты женщинам, тогда как мужчины прибегают к комплиментам значительно реже. Традиционно считается, что женской речи присущ больший интонационный динамизм, более широкий голосовой диапазон (vocal range), способность более свободно менять голосовой регистр, широкое использование скользящих нисходящих и восходящих (inflection) тонов, а также сложных восходяще-нисходящих или нисходяще-восходящих тонов в пределах одного ударного слога.

Все сказанное согласуется с дихотомией таких общекультурных гендерных рядов, как динамическое, необъятное (широкое), сложное (неаддитивное, синте-

тическое) (W), с одной стороны, и статичное, ограниченное (узкое), простое (аддитивное, аналитическое) (M), с другой. Большая консервативность женской речи, лучше сохраняющей региональные черты, также соответствует общекультурной гендерной универсалии W. Это следует из большей общности характеристик W и культурного архетипа W=M, а также из противостояния «прогрессистского» (M) характера всей нашей «мужской» цивилизации и женского «почвенничества» во всех его культурных вариантах. К последним относится характер такого типичного для культурно-исторической W-оси явления, как романтизм (возрождение интереса к фольклору, «открытие» средневеково-ренессансных авторов – Шекспира и Рабле). Уже само название последнего восходит к реалиям Средневековья.

Во многих исследованиях отмечается, что разные уровни основного тона у мужчин и женщин обусловлены не только анатомическим строением голосового тракта, но и различными социальными ролями и неодинаковыми культурологическими установками. Характерными являются гендерные различия внутри просодических особенностей и различий в области вокализма¹⁴ по типу различий W – M в гендерной теории культуры. Так, при констатации просодических различий в японской мужской / женской речи делаются следующие противопоставления: мужчины говорят громко (loud) и низко (в кино самураи почти рычат), а женщины говорят тихим, мягким (soft) и высоким голосом, почти пищат. В русском языке для женского произношения характерна большая дифтонгичность (сложность гласного звука, состоящего из двух элементов, составляющих один слог), *неоднородность* ударных [о] и [э]. В мужской речи «в этих же фразовых условиях» обнаруживаются более *однородные* гласные.

Антитезы форма – содержание, внутреннее – внешнее, экзотеричность – эзотеричность, интровертированность – экстравертированность, имплицитность – эксплицитность широко используются в культурологии, философии, психологии, логике, литературоведении. Они предложены в качестве базовых общекультурных гендерных характеристик, как и некоторые другие общекультурные гендерные антитезы (например, сложное – простое, иррациональное – рациональное).

Эти характеристики оказываются в ряде случаев синонимичными по своим «стволовым»¹⁵, сущностным (иногда узусным) смыслам таким прямо называемым или подразумеваемым лингвистическим гендерным антитезам, как невербальное – вербальное и просодия – лексика: «Женской эмоциональной речи свойственна просодическая эксплицитность, тогда как для мужчин более характерна эксплицитность лексическая»¹⁶.

Универсальные антитезы

[Из книги "Единое поле..."]

Жизнь как смысл жизни (W) –

Цель как смысл жизни (M)

Лингвистические примеры

[Из монографии Земской]

«Мужчины... говорят на определенную тему или по конкретному поводу, в то время как женщины говорят просто так, для удовольствия».

Динамика (W) – Статика (M)

«Женщины легче переключаются... проявляя большую психологическую подвижность и гибкость».

Открытое (W) – Замкнутое (M)¹⁷

«Мужчина погружен в ход своих мыслей в течение всей беседы... Женщина живет в открытом мире...»

В рамках дихотомии ситуативная речь – конситуативная речь подчеркивается родственное «поток сознания»¹⁸ женское «ассоциативное соскальзывание с темы разговора», «вставки», «самоперебивы», «одновременное развитие нескольких тематических линий».

«Женщины более склонны к кооперативной беседе, в связи с чем задают больше вопросов и высказывают больше реплик-реакций, чем мужчины».

Размытость (живописность, смутность)
(W) – Четкость (графическая ясность) (M)

«Для мужской речи... характерна тенденция к точности номинации, терминологичности словоупотребления. Женщины часто используют приблизительные обозначения, эрзацноминации».

Для выражения эмоций и чувств женщины чаще, чем мужчины, используют междометия (в русском языке наиболее часто междометие *ой*, "выражающее удивление, удивлённое согласие, радость и другие эмоции, как положительные, так и отрицательные».

Дилетантизм (W) – Профессионализм (M)
{Искусство (W) – Наука (M)}

«В мужской речи, по сравнению с женской, обнаруживается более сильное влияние фактора "профессия"».

Эмоциональное (W) – Рациональное (M)

«Женская речь более эмоциональна, чем мужская».

«Эмоциональная сдержанность, нежелание показывать свои чувства, стремление выглядеть таким непроницаемым существом отмечается во многих работах как типическое свойство речевого поведения мужчин».

Экспрессионизм (W) – Реализм (M)¹⁹

«Типичной стилистической характеристикой женской речи является тенденция к гиперболизированной экспрессии».

«Женскую речь, по сравнению с мужской, отличает более высокая концентрация эмоционально оценочных слов и конструкций в текстах. В мужской речи

Отрицательное (W) – Положительное (M)²⁰

чаще присутствует стилистически нейтральная оценочная лексика».

«Набор положительных и отрицательных речевых оценок различен у мужчин и женщин. При этом женскую речь характеризует тенденция к интенсификации оценки (прежде всего положительной). Мужчины менее сдержанны в выражении отрицательной оценки».

Подобные параллели, совпадения и корреляции, кроме уже отмеченных причин, обусловлены тем, что любой естественный язык является наиболее полной, состоявшейся и отстоявшейся (хотя и постоянно меняющейся), проверенной веками и тысячелетиями культурной моделью. В нем, согласно древней восточной мудрости, «все есть все, все есть во всем, все есть всегда, все есть везде».

В обзорах Земской, Зарецкого, других исследователей приведён широкий спектр лингвистических иллюстраций, подтверждающих универсально-междисциплинарный характер гендерных антитез. По типу гендерных различий W – M в гендерной теории культуры и синхронии – диахронии (синхронии / диахронии) в языкознании, в фонологических работах дифференцируются женский вокализм и мужской консонантизм²¹. Отмечается большая консонантная насыщенность мужской речи (меньшая степень напряжённости согласных, озвончение согласных, педалирование, растяжка, эмфатизация согласных²², выпадение гласных) и наиболее ярко проявляемые в вокализме особенности женской речи²³. В одной из работ, посвящённых гендерной лингвистике, имеется любопытное замечание о том, что для британского уха речь датчан (особенно мужчин) кажется скучающей; а датчанам британцы представляются чересчур эмоциональными, тогда как британские мужчины – феминизированными. Опрос японцев-мужчин также показал, что, разговаривая по-английски, они ощущали некоторую «феминизированность» своей речи. Сопоставление интонационных моделей японского и английского языков позволило сделать вывод, что в японском языке высокий основной тон является существенным признаком женской речи, тогда как для носителей английского языка этот же признак – выразитель вежливости независимо от пола. В другом фонологическом исследовании отмечается, что в некоторых социально-возрастных группах англоязычного населения Канады назализованность²⁴ речи считается признаком «мужественности». В русском же языке она более характерна для женской несколько манерной речи.

Подобный релятивистский (вполне культурологический) вывод делает и немецко-швейцарский искусствовед Вёльфлин, исследовавший изобразительное искусство Италии и Германии эпох Возрождения и Барокко. Немецкий ренессанс (Дюрер) воспринимается им как барокко в контексте итальянского изобразительного искусства того же исторического периода (например, в сравнении с живописью Рафаэля - художника по возрасту даже более молодого, чем Дюрер).

В одной из опубликованных несколько лет назад лингвистических работ мы встречаем заявление о том, что вопрос о возможности изучения гендера текста был поставлен в некой филологической работе, опубликованной в 2000 г., тогда как на самом деле он был поставлен несколькими годами раньше, причём не в филологической, а в культурологической работе. Далее автор в качестве объекта своего гендерного исследования обосновывает выбор текстов М. Цветаевой и А. Пушкина, на сравнительном культурногендерном анализе произведений которых как раз и была построена упомянутая культурологическая работа. Ни эта, ни другие родственные работы не упоминаются – скорее всего, только из-за незнания лингвиста о самом их существовании.

Этот по-своему типичный случай профессионального изоляционизма, всё чаще обретающего черты антинаучного провинциализма, в современных условиях информационного перепроизводства способен не только окончательно превратить обрушившиеся на человечество потоки информации в сплошной информационный шум, но и упустить за досадно второстепенными мелочами само существо на самом деле актуальной гендерной проблематики.

В её широком поле продуктивная работа немыслима сегодня вне культурологического, философского, исторического, психологического, лингвистического, естественнонаучного дискурса. Её общекультурный, междисциплинарный, системный, универсальный характер, следуя преходящей моде, к сожалению, гораздо чаще только провозглашается, нежели подтверждается повседневной исследовательской практикой.

В публикациях гендерно-лингвистической направленности особого внимания культуролога заслуживает вопрос об андрогинизации, архетипической нейтрализации (архетипизации) в естественных языках гендерных определений, характеристик, наименований (мускулинизация женского начала и феминизация мужского). Это тем более интересно и важно, что выводы о доминировании в современной культурной ситуации неоархаических тенденций, сопровождающихся активизацией феминистских движений, уже сделаны в результате исследования разных культурных срезов и областей (искусство, наука, социум).

Действительно, в некоторых лингвистических работах, представленных на Международной научной конференции в Нижнем Новгороде (2004), такие свидетельства имели место. Так, отмечалось введение в английском языке нейтральной формы Ms вместо Mrs и Miss, подчеркивающих семейное положение женщины, добавление традиционно мужских денотатов к женским понятиям (замена, например, женского наименования «spinster» – «старая дева» на «bachelor girl» – «холостячка», или «девушка, живущая самостоятельно»). Также обращалось внимание на то, что современные писатели и редакторы нередко заменяют элемент -man на -person или подбирают такие слова-синонимы, которые не затрагивают элементов -man и -person. Например, newsmан заменяется андрогинно-нейтральными словами reporter, journalist, writer; chairman становится chair и т. д. Отмечалось также, что многие говорящие на английском языке в последние годы избегают употребления мужского местоимения he в безличных предложениях типа If a person wishes to succeed, he must work hard. В данном случае с некоторых пор чаще употребляется

he or she. Употребление амбивалентно-архетипического he/she²⁵ (библейский сотворённый человек (Быт. 1: 26), двуполоый прачеловек в «Пире» Платона, средневековый алхимический гермафродит) ограничивается обычно письменной речью.

В некоторых лингвистических работах эта проблема интерпретируется как проблема преодоления гендерной *асимметрии* в языке, что само по себе (прежде всего терминологически) выглядит парадоксально с учётом объективно асимметричного по типу W – M функционирования головного мозга человека. На самом деле гендерно (сексуально) ориентирован даже слух (детский крик воспринимается как гнев, если известно, что ребёнок – мальчик и как страх – если девочка²⁶).

Видный (видная) немецкий теоретик феминизма З. Трёмель-Плётц отмечает отражающую неравноправие асимметрию в титулах, обращениях и описаниях мужчин и женщин (Bundeskanzler Schmidt und Frau...; Frau, Fräulein und Herr...). Она (он) настаивает на общем обращении Frau (и для незамужних) или на введении слова Herrlein, чтобы создать симметричные обращения. Трёмель-Плётц пишет: «Какой мужчина согласится, чтобы его называли Kindergärtlerin (воспитательница), Kinderfrau (няня), Putzfrau (уборщица), Sekretärin (секретарша), Hebamme (акушерка) и Krankenschwester (медицинская сестра), если он выполняет эти обязанности?» – и сетует на то, что даже du (ты) в библейских заповедях является мужским: «не желай жены ближнего твоего» (Исх. 20: 17). Аналогичные, т. е. мужские, формы выражения господствуют и при названии лиц по национальности, что, по мнению автора, ещё более несправедливо и странно. Нет слов Deutschinnen или Eskimoinnen, но только die Deutschen и die Eskimos, которыми называют и мужчин и женщин. Есть только королева (Konigin), но нет женских названий для декана, государственного министра, посла.

Как и в Англии, женщины в Германии борются против местоимения man (пишут man/Frau sagt), а также обращения Fräulein. Сторонники (сторонницы) нового справедливого (fairen) использования слов в немецком языке предлагают заменить общепринятое выражение «Все люди будут братья» на «Alle Mänschen werden Schwestern» («Все люди будут сёстры»). К явлениям подобного рода относятся и феномен использования в английском языке образа животного (зоометафоры) одного пола для называния человека противоположного пола: hen (курица) – разг. трус (о мужчине). Засилие «мужского начала» в языке отмечают многие исследователи (исследовательницы). Так, Дж. Станли насчитала 220 терминов для сексуального названия женщин и только 22 для соответствующего названия мужчин. Компьютерный анализ 100000 слов из детских учебников, проведённый американскими исследовательницами, показал, что в них присутствует в 4 раза больше мужских местоимений, чем женских.

Подобная асимметрия отмечается также в оценках подавляющей части культурных явлений. Это особенно проявляется в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре. Именно здесь на протяжении всей истории цивилизации мы встречаемся с «высоким», «образцовым», «правильным»²⁷ классицистически-ренессансным M, с одной стороны, и «низким», «ущербным», «неправильным», барочно-романтическим W, с другой. С «подъёмом» M и «упадком» W. Последнее неопровержимо свидетельствует о принципиально «мужской» ориентации куль-

турно-исторического процесса, тогда как всё более характерной чертой нового культурного ландшафта становится историческая нейтрализация гендерной дихотомии (*архетипизация*). Наиболее активно она проявляется в социальных (всплеск феминизма, повышенный интерес к литературным сочинениям авторов-женщин) и языковых формах.

На целостный, взаимообусловленный и взаимодополняющий характер мужско-женской / женско-мужской речи как продуктивного результата взаимодействия двух контрастных начал²⁸ (так дополняют друг друга, составляя целое, W и M в структуре архетипа W=M; лево- и правополушарное мышление в психологии; эстетика и этика в философии; звучание–молчание, громкое–тихое, высокое–низкое, долгое–краткое в музыке; гласные–согласные в языке; темноесветлое в рисунке и письме; «теплые»–«холодные» тона в живописи и т. д.) отмечают многочисленные исследователи.

По заключению П. Фишман, «разговоры находятся под контролем мужчин, но продвигаются главным образом благодаря женской работе»²⁹. Возникает «хореография разговора»³⁰. Земская определяет «кооперативные формы» как доминантные в стратегии женской речи и именует их «центральными» для женщин. Уже самим характером ключевых слов «кооперативные» и «центральные» она не только подчёркивает их принадлежность к общекультурной универсалии W, но и подтверждает на лингвистическом материале ранее сделанный вывод о несимметричном (гетеролитическом³¹) расщеплении культурного архетипа W=M на составляющие W (-) и M (+). При этом свойства (набор характеристик) женской («матриархатной») доминанты-универсалии W, по-видимому исторически предшествующей мужской («патриархальной») доминанте M, оказываются ближе к свойствам «центристски» структурированного амбивалентно-андрогинного архетипа W=M, чем свойства доминанты-универсалии M.

Такая гендерная интерпретация мужской и женской речи представляется более адекватной в контексте Большой истории³², чем широко распространённые среди представителей современных феминистических движений частные определения «слабости» и «бессилия» образцов женской речи. Последние тенденциозно отражают достаточно узкий (относительно времени бытования естественных языков) и социально обострённый (в ситуации нового культурного ландшафта) спектр исторической действительности.

¹ См.: Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. Кн. 1-2. – М., 2002.

² Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи // Земская Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. – М., 2004.

³ В лингвистике для идентичности мужской речи используют понятие «прерывание \ вмешательство».

⁴ В женской речи *высокий* регистр обычно выражает *положительную* оценку, а *низкий* – *отрицательную*.

⁵ Зарецкий Е. В. Фемининность русской культуры: лингвистический аспект (Университет Эрланген-Нюрнберг - ФРГ) // www.rusian.slavica.org/down/femininnost.pdf (2007)

⁶ В 1998 г. Хофстаде издал книгу «Masculinity and femininity: the taboo demention of national cultures», в которой указал на неотделимость проблемы феминность/маскулинность от

проблемы коллективизм / индивидуализм. Например, русским (как коллективистам) в ней приписывалась «общность сознания», а женщинам – «коллективное сознание». Если в русской гендерологии открыто говорится о коллективистской сущности женского менталитета, то на Западе подобных заявлений избегают.

За время холодной войны само слово коллективизм обросло на родине гендерных исследований – в США – столь отрицательными коннотациями, что приписывать какому-то народу или группе населения коллективизм обозначает выносить обвинение и приговор одновременно. В Америке до сих пор коллективизм часто называют коммунизмом. Более подробно о феминности / маскулинности можно узнать в книге Г. Хофстаде «Culture's consequences».

⁷ Женщины чаще используют богатую палитру интонационных красок для выражения многих значений, в том числе экспрессивных оценок, тогда как мужчины в сходных речевых ситуациях обычно прибегают к *конкретизации*, *рациональным* средствам лексики и грамматики.

⁸ Англ. impersonal - безличный, не относящийся к определённому лицу.

⁹ Кирбаба Ю. В. Генезис синергетической парадигмы: культурологические аспекты. Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии. – Саратов. 2004.

¹⁰ Tannen D. You just Don't Understand: Women and Men in Conversation. – London. 1991.

¹¹ Начальная латинская буква "s" фонологически соответствует здесь русскому "с", как бы соответствующему латинскому "с" в оппозитиве.

¹² Ещё одной моделью могли бы послужить здесь слова, обретающие противоположные смыслы при чтении от конца к началу – своего рода «зазеркальные» родственники палиндромов.

¹³ Подобным образом в циклической культурологической модели историко-культурного процесса независимо от модели, описанной в лингвистической работе Таннена, мною была сконструирована так называемая «точка-плоскость схождения», обозначающая схождение «концов и начал», а в качестве её символа выбрана латинская буква I. С этой буквы начинаются такие слова, как *ibidem* – там же, *idem* – тот же (*лат.*); *immutabile* – неизменный, *imitatif* – подражательный (*фр.*); *identisch* – идентичный, тождественный (*нем.*); *imperecedo* – вечный, *igual* – одинаковый, равный (*исп.*); *initial* – начальный (*англ.*).

¹⁴ Просодия (от *гр.* *prosōdia* – ударение, припев) – система фонетических средств, играющих смысловоразличительную роль. В этом значении термин «просодия» синонимичен понятию «интонация». Вокализм (от *лат.* *vocalis* – гласный звук) – система гласных в языке. Возможно диахроническое и синхроническое описание вокализма.

¹⁵ По аналогии со стволовыми клетками в биологии. Термин «стволовые клетки», введённый в биологический обиход в конце XX в., обозначает некий «средний» род «универсальных», «амбивалентных» биологических клеток, способных трансформироваться в любые специфические клетки, характерные для того или иного органа (типа тканей) живого организма и в дальнейшем формировать их.

В этой модели усматривается прямая аналогия с моделью амбивалентного культурного архетипа W=M, потенциально содержащего в себе весь спектр смыслов, заключённых между противоположными смыслами. В качестве лингвистических реализаций модели культурного архетипа можно назвать такие интенционально восходящие к идее библейского Слова, которое было «в начале» (Иоан. 1: 1), и принадлежащие разным языкам словообразования, как инь–ян (женское–мужское), фармакон (яд–лекарство), исход (конец–начало).

¹⁶ Женщины объясняются чаще всего не словами, а интонацией, как птицы. (Б. Васильев.)

¹⁷ Подобная гендерная дифференциация закреплена в фольклоре: Едет жена родня – растворят ворота, едет мужская родня – запирай ворота! (Из словаря В. Даля.)

¹⁸ Приводимые Земской примеры из женских разговоров напоминают цитаты из «Улисса» Дж. Джойса а также из несомненно принадлежащих W-доминантной исторической оси литературные сочинения, связанные с именами Н. Гоголя и К. Бальмонта.

¹⁹ Подобная дихотомия встречается в искусствоведческой литературе.

²⁰ Здесь наиболее часто в природных и культурных явлениях наблюдаются своего рода гендерные инверсии, реализующие сохранность культурного архетипа, или реализация «принципа зеркала» (согласно принципу дополнительности, противоположности сходятся): «отрицательное», женское, W тяготеет к «положительному», мужскому M и наоборот. Об этом свидетельствуют многочисленные физические, химические, биологические модели, а также лингвистические фольклорные образцы: Сапог сапогу пара (имеются в виду левый и правый сапоги); Муж (M) и жена (W) – одна сатана и др.

²¹ Консонантизм (от *лат.* consonans, род. падеж consonantis – согласный звук) – система согласных в языке. Возможно его синхроническое и диахроническое описание.

²² Напр.: [З:]а[r:]аза такая!; Ду[r:]ак ты!

²³ Ср. с отсутствием гласных в древних языках (для опознания *значимых* единиц согласные более важны, чем гласные). Только на рубеже 2 – 1-го тысячелетия до н. э. или несколько ранее в заимствованный греками у финикийцев алфавит, состоявший из 22 букв, были введены знаки для гласных. Письменность, таким образом, в социологическом гендерном смысле представляется продуктом мужского творчества, тогда как стихотворение французского поэта-символиста А. Рембо «Гласные», например, принадлежит женской культурно-гендерной исторической оси W. При этом внимание историка культуры к личным отношениям последнего с французским поэтом той же эпохи П. Верленом могло бы внести в эту гендерную дифиницию дополнительный гендерно-сексуальный акцент.

²⁴ Назализация (от *фр.* nasal – носовой, *лат.* nasus – нос) – специфическая артикуляция звуковой речи, главным образом гласных.

²⁵ Эта амбивалентная структура сродни таким выше упоминавшимся древним и древнейшим амбивалентно-архетипическим словесным формам, как древнекитайское «инь–ян», древнегреческое «pharmakon» («яд=лекарство»), старорусское «исход» («конец=начало»), с одной стороны, и современным новоархаическим (неоархаическим) – «пространство–время», «волна–частица», «синхрония–диахрония», с другой. А. Потебня отмечает двойственный, амбивалентный характер русского слова «лить», восходящего к праславянскому языку: «Нередко слова с основным значением литься, течения, не изменяя формы, переходят от вливанья к изливанию или наоборот».

²⁶ Ср. с замечанием одного известного средневекового автора о том, что мальчики, плача при рождении, кричат «а!», тогда как девочки – «э!».

²⁷ Известный датский языковед О. Ясперсен (1860–1943), автор знаменитой «Философии грамматики», рассматривал мужскую речь как образцовую.

²⁸ Ср. с русской пословицей: Муж – голова, а жена – шея. Или с китайской: Мужчина и женщина – разные существа, но у них общие дела.

²⁹ Отмечается, например, использование женщинами тишины как стратегического фактора в разговоре.

³⁰ Несмотря на то что в большинстве алфавитов и языков гласные представлены в меньшем количестве, чем согласные, и выполняют таким образом как бы вспомогательную роль в языке, фонетически согласные подчинены гласным. Во-первых, гласные могут существенно *модифицировать* артикуляционные признаки согласных и, следовательно, их акустические свойства. Во-вторых, в качестве признаков, обеспечивающих *опознание* согласных, часто выступают не их собственные характеристики, а некоторые свойства соседних гласных или целевого сочетания согласного с гласным.

³¹ В химических моделях симметричное и асимметричное расщепление ковалентной связи, образуемой двумя электронами, принадлежащими разным атомам, образующим эту связь, именуют гомолитическим и гетеролитическим расщеплением соответственно. В первом

случае образуются два нейтральных свободных радикала, во втором – разноименно заряженные ионы: *обеднённый* электронами положительный (+) и *обогащённый* ими отрицательный (-). Дефинициям «*положительный*» и «*отрицательный*» в гендерной теории единого поля мировой культуры [2] соответствуют символы М (мужское) и W (женское).

³² Здесь имеется в виду не одно из наименований так называемой «Универсальной истории», но скорее – «Большое время» культуры в понимании М. Бахтина.